

УДК 271.2-86

DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-12-25

Старообрядцы в национальных контекстах Балкан и Балтии

Екатерина Анастасова

*Институт этнологии и фолклористики
с Этнографическим музеем Болгарской академии наук,
София, Болгария, ekaterina_anastasova@yahoo.com*

Аннотация. Автор рассматривает современную ситуацию русских староверов на Балканах и в Балтии, анализируя два аспекта развития старообрядческой диаспоры в контексте принадлежности части балканских и балтийских стран к Европейскому сообществу: 1) староверы как русское меньшинство, проживающее в «новых» европейских демократиях, в сравнении с «советскими» русскими; 2) старообрядцы как религиозная и этническая общность, активно участвующая в постмодернистских процессах возрождения своей собственной культуры, традиций и идентичности. Исследуются представления о меньшинстве в национальном дискурсе «новых» стран Евросоюза (Болгарии и Румынии на Балканах и Литве, Латвии и Эстонии в Балтии). Статья подготовлена на базе полевых исследований на Балканах и в Балтии, проведенных автором в 2008–2017 гг., а также опубликованных и архивных материалов.

Ключевые слова: старообрядцы Балкан и Балтии, этнические и религиозные меньшинства, идентичность русской диаспоры в постсоциалистическом пространстве

Для цитирования: Анастасова Е. Старообрядцы в национальных контекстах Балкан и Балтии // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 2. С. 12–25. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-12-25

Old Believers in the national contexts of the Balkans and the Baltic States

Ekaterina Anastasova

*Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria,
ekaterina_anastasova@yahoo.com*

Abstract. The author considers the current situation with Russian Old Believers in the Balkans and the Baltic States by analyzing two aspects in the development of the Old Believers Diaspora development in the context of the membership of some Balkan and Baltic countries in the European Community: 1) Old Believers as Russian minority living in the “new” European democracies in comparison with the “Soviet” Russians; 2) Old Believers as a religious and ethnic community, which is intensively participating in the postmodern processes of reviving their own culture, traditions and identity. The article studies concepts of the minority in the national discourse of the “new” EU countries (Bulgaria and Romania in the Balkans and Lithuania, Latvia and Estonia in the Baltic States). The article is based on field researchers in the Balkans and the Baltic States conducted by the author in 2008–2017, as well as published and archive materials.

Keywords: Old Believers of the Balkans and the Baltic States, ethnic and religious minorities, identity of the Russian diaspora in the post-socialist space

For citation: Anastasova, E. (2021), “Old Believers in the national contexts of the Balkans and the Baltic States”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-12-25

Русские староверы, русская религиозная диаспора, возникающая в Средние века, распространенная почти по всему миру¹, веками живет как на Балканах, так и в Балтии. Восприятие староверов и отношение к ним окружающего населения связаны с геополитической ситуацией и специфическим отношением к различным волнам русской диаспоры, среди которых в настоящий момент наиболее актуальны так называемые советские русские. Этот контекст определяет и собственную позицию староверов, их участие в политической и социальной жизни общества, к которому они принадлежат.

Здесь мы остановимся именно на этом аспекте отношения к старообрядцам в рамках Европейского сообщества. С одной стороны, староверы воспринимаются как «русское меньшинство», проживающее в странах ЕС, противопоставленное «советским русским».

¹ Подробнее см. [Анастасова 1998].

С другой стороны, старообрядцы – это самостоятельная этноконфессиональная общность, развивающая и возрождающая собственную культуру, традиции, идентичность и институты, опираясь на новые возможности, предоставляемые меньшинствам программными документами Европейского сообщества.

Представления о меньшинстве в рассматриваемых здесь «новых» странах Евросоюза (Болгарии и Румынии на Балканах и Литве, Латвии и Эстонии в Балтии) разные, различается и отношение к русским меньшинствам в постсоциалистическом пространстве. Староверы являются интересным примером развития одной общности в различных политико-национальных контекстах – балканском и балтийском.

Статья подготовлена на базе полевых исследований на Балканах и в Балтии, проведенных автором в 2008–2017 гг., а также опубликованных² и архивных материалов.

Балтия, Балканы и Европейский союз: национальные контексты и позиция меньшинств

Позиция так называемых «меньшинств» (этнических и религиозных) зависит от определенных исторических обстоятельств, создающих национальный контекст, в котором располагается и воспринимается какая-либо этническая/религиозная общность. На Балканах и в Балтии различные «значимые» меньшинства. Здесь мы коротко представим национальную картину, в которую вписываются старообрядцы в обоих регионах.

Балтия. После распада Советского Союза (1991 г.) и расширения Европейского союза тремя странами Балтии (2004 г.) этнический баланс в трех постсоветских странах региона (Литве, Латвии и Эстонии) становится особенно актуальным. Наряду с процессом активного конструирования новых национальных парадигм одним из самых актуальных и сложных вопросов является легитимирование ситуации с *советскими русскими*. Если в рамках СССР русские были государственной нацией, то после так называемых демократических перемен они превратились в «национального врага»³.

² Статья продолжает и развивает работы автора на тему о староверах Балкан и Балтики [Анастасова 2009, с. 153–159; Анастасова 2012, с. 7–20].

³ Глубинный анализ формирования коллективного образа «русских» как врагов, который вытесняет образ исторического врага – немцев (700 лет «рабства»), в Прибалтике в период сталинских репрессий можно найти во множестве сочинений, см., например, [Mertelsmann

Советские русские стали объектом ряда важных национальных инициатив (закон о гражданстве, законы о натурализации, национальных меньшинствах, интеграции и др.)⁴, связанных с желанием новых демократий избежать их политического (гражданского)⁵ участия и влияния на политику и экономику новых независимых государств.

2005, р. 43–58]. В этой работе особенно интересны цитаты из дневников местного населения того времени, в которых ясно разграничиваются коллективный (отрицательный) и индивидуальный (положительный) образ русских. Важным фактором являются и внутренние миграции в СССР после Второй мировой войны, когда множество советских русских (по одной или другой причине и как часть советской политики гомогенизации – советизации – населения) переезжают в страны Балтии и другие республики Советского Союза.

⁴ Закон о гражданстве Латвии (1995 г.), либерализованный в 1998 г., и Закон об иностранцах (1992 г.) в Эстонии создают так называемый Закон о негражданах (alien) – специфический юридический статус для этнических русских, поселившихся в этих странах в советский период. Чтобы получить гражданство в Латвии и Эстонии, они должны сдать специальные экзамены по языку и истории этих стран. Все остальные автоматически получают гражданство, если родились или являются потомками граждан, родившихся в Латвии и Эстонии до 1940 г. Ситуация в Литве отличается: здесь принимают так называемый «нулевой вариант», то есть литовское гражданство получают все желающие, проживающие в республике после распада СССР. В значительной степени эта ситуация объясняется различным соотношением между русскими и соответственно литовцами, латышами и эстонцами. В Литве русские наиболее малочисленны (ок. 6% в 2001 г.) и «значимым» меньшинством являются поляки, в отличие от Латвии (34% русских в 1989–2008 г.; 26,9% в 2011 г., 25,4% – в 2017 г.) и Эстонии (50% русских в 1991 г., но в 2017 г. их уже 25%). Надо отметить, что численность русскоязычного населения в Латвии значительно выше (более 50% его к 2008 г. уже являются гражданами Латвии). См. сайты Министерств иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии.

⁵ «Неграждане» Латвии не имеют права участвовать в выборах (местных и национальных). В Эстонии они могут участвовать в муниципальных выборах, но без права быть избираемыми. Существует и ряд других ограничений – участие в политической жизни, служба в армии, запрет заниматься некоторыми профессиями и пр. Постепенно эти законы либерализируются, параллельно с уменьшением численности русского (советского) этнического населения в Латвии и Эстонии. Дети не-граждан, рожденные в Латвии и Эстонии после 1991 г., автоматически получают гражданство.

К староверам⁶, как к традиционному русскому населению, формируется совершенно другое отношение. Старообрядцы поселились в регионе еще в конце XVII столетия и в большинстве своем принадлежат к поморскому согласию⁷. Они являются естественным оппонентом «советскому», атеистическому: их высмеивали социалистические активисты, называя темными и невежественными; наряду с латышами, литовцами и эстонцами (хотя и не массово) они были репрессированы советской властью (раскулачивание и депортации). После «демократических перемен» староверы пользуются реституцией⁸ и привилегиями, предоставляемыми национальным и европейским законодательством этническим и религиозным меньшинствам: правом иметь собственные культурные и образовательные институты, получать финансирование для проектов по национальным и европейским программам для поддержки меньшинств и др. Старообрядцы создают сеть организаций, активно занимающихся церковной, просветительской и научной деятельностью⁹.

Балканы. Ситуация в Болгарии и Румынии, которые позже Балтии вступили в Европейский союз (2007 г.), отличается от балтийской как в плане национальных контекстов, так и при решении «проблемы» с меньшинствами.

Румыния. Если для бывших советских республик основной «угрозой» являются русские, то в балканских постсоциалистических странах эта проблема не актуальна. Староверы, прожива-

⁶ Наряду со староверами существует и традиционное русское православное население. Старообрядцы в Эстонии в основном живут на побережье Чудского озера, в Латвии – в Латгалии, а в Литве – в северо-восточной части страны.

⁷ Древлеправославная Поморская церковь в Литве, Латвии и Эстонии. В Латвии и Эстонии существует и маленькая группа, принадлежащая к федосеевскому согласию.

⁸ В результате реституции Гребенщиковская община в Риге является одной из самых богатых в стране.

⁹ Среди староверов, которые автоматически получают латвийское и эстонское гражданство, существуют как религиозные, так и светские лидеры (например, Владимир Никонов из латвийского города Резекне не только председатель местной старообрядческой общины, но и депутат в местном парламенте, историк старообрядческой культуры в стране). Павел Варунин из эстонского города Тарту является председателем Союза старообрядческих общин Эстонии и Общества культуры и развития староверов Эстонии, издателем и иллюстратором многочисленных изданий о старообрядцах Эстонии.

ющие в различных частях Румынии с конца XVII в., называемые здесь липованами¹⁰, после демократических перемен в 1990-е гг. активно включаются в гражданскую и политическую жизнь страны. Это происходит благодаря деятельности *этнической* организации «Община русских липован в Румынии»¹¹ с центром в Бухаресте и многочисленными подорганизациями в городах и селах, где проживают старообрядцы. Староверы Румынии принадлежат к двум соглашениям – Белокриницкому и Новозыбковскому. Благодаря новой конституции страны 1991 г., которая предоставляет национальным меньшинствам право участвовать в законодательной власти, получать государственные субсидии для поддержки и развития собственной культуры, языка и др. [Anastassova 2005, p. 242–250], в новой ситуации они не только переживают своеобразный религиозный и этнический ренессанс, но и впервые участвуют в управлении страны именно как меньшинство. Липоване, в отличие от венгерского меньшинства в Румынии, например которое обвиняют в сепаратистских претензиях, являются фактором равновесия между партиями в парламенте и желанным партнером в национальных и международных инициативах.

В балтийских странах и Румынии староверы являются значительным по численности меньшинством, имеющим собственные *элиты* (воспитанные в годы социализма), состоящие из образованных и активных граждан, которые успешно вписывают свою общность в новую национальную и европейскую реальность, выбирая различные адаптационные стратегии. С одной стороны, в обоих регионах создаются религиозные институты: в Балтии, наряду с религиозным лидером – наставником, присутствует и председатель церковной общины, отвечающий за светские вопросы; в Румынии церковными общинами управляют только церковные служители – попы у поповцев и наставники у беспоповцев. С другой стороны, староверы Румынии создают светские этнические организации, которые в румынском национальном контексте приобретают особую значимость, так как эти организации кроме культурного (как в Балтии) имеют и государственно-политический характер.

Болгария. В болгарской конституции отсутствует термин «меньшинство». Организации меньшинств являются неправительственными, их деятельность финансируют неправительственные

¹⁰ Липоване живут компактно в Добрудже и Молдове. Подробнее об истории староверов в Румынии см. [Анастасова 2008, с. 141–148; Пригарин 2010].

¹¹ О ней см. [Moldovan 2004].

институты, государства – «исторические родины»¹² и европейские программы, связанные с поддержкой культурного и языкового разнообразия Европейского союза.

Несмотря на это, представления о «меньшинстве» в стране сильные и своеобразны. Как «значимые» меньшинства воспринимаются наиболее многочисленные этнические общности в стране – турки и цыгане, причем последних, особенно в массовом дискурсе и администрацией в провинции, эвфемистически называют «меньшинством» вместо «цыгане» или «ромы». Цыгане в Болгарии воспринимаются очень негативно, так как их считают наиболее отсталой в социальном отношении общностью.

В Балтии негативное отношение к русским – независимо от распространенного представления (которое присутствует и в Болгарии), что они являются носителями «отсталости»¹³ (в основном бытовой: нарушают порядок и дисциплину, чистоту, организованность, присущие балтийским народам, и др.¹⁴) – скорее всего является результатом исторически сформированного страха перед сильным соседом. В этом плане типологически располагается и болгарское отношение к туркам, которое также базируется на исторической травме¹⁵. В то же время в балтийских странах наблюдается понимание о потерях для их экономик, если квалифицированные этнические русские, продолжающие работать на основных, созданных в советский период индустриальных объ-

¹² В случае с русскими – Закон о новой государственной политике по отношению к соотечественникам за границей Российской Федерации (2000 г.).

¹³ Основой этих представлений служит реальная бедность в России после революции 1917 г., которая превращает богатую Российскую империю в бедную страну с голодающим населением.

¹⁴ Интересно, что подобная оценка существует и у русских в советский период. См. фрагмент из книги популярной российской писательницы А. Марининой: «Он обожал поездки на два-три дня в Прибалтику <...>. Вы, наверное, помните, что в этот период (советский. – Е. А.) для всех нас поездка в Вильнюс или Таллин была равна поездке за границу. Красивые, чистые европейские города с тесными улочками, готическими зданиями и многочисленными кафешками. Если нельзя добраться до настоящей Европы, хотя бы видимость создать...» (*Маринина А.* Реквием. Т. 2. М.: ЭКСМО, 2004. С. 17).

¹⁵ Пятьсот лет турецкого рабства. В балтийском контексте чаще употребляется термин «культурная травма» (по терминологии [Roth 1995], см. также [Vihalemn 2005, p. 59–84; Болдане 2009, с. 100–106].

ектах, покинут регион¹⁶. Надо отметить и ностальгию по социализму в постсоциалистическом пространстве, сопутствующую трудностям и неудачам переходного периода [Анастасова 2005, с. 156–191].

Советские русские в Болгарии, объект сильных (и общих для позднего социалистического пространства) антисоветских настроений, тоже имеют свои проблемы. В ранний период перехода к демократии антисоветская риторика (воспринимаемая как анти-русская) настолько назойлива, что без законодательных оснований ряд советских граждан, которые чувствовали себя вполне комфортно в период социализма, предпочитают поменять свой паспорт на болгарский, опасаясь эскалации антирусских настроений и репрессий. Таким образом постепенно создаются неправительственные организации русского меньшинства¹⁷, которые отражают новую идентичность русской диаспоры в постсоциалистическом пространстве — идентичность этнического меньшинства.

В отличие от относительно многочисленных советских русских в стране¹⁸, староверы в Болгарии — маленькая деревенская общность¹⁹, которая не имеет собственных элит. Возможно, они впервые начнут создаваться в новых демократических условиях, но по ряду причин (среди которых наиболее серьезной являются интенсивные миграционные процессы в развитые страны ЕС, связанные с экономическим кризисом, особенно в сельских районах) ищут лучшие условия для жизни и реализации в странах Западной Европы и в Российской Федерации, где часть молодежи (благодаря тяжелому труду родителей, работающих в эмиграции) получила (или получает) образование [Anastassova 2005, p. 242–250].

¹⁶ «А что мы будем без них делать? Вся наша экономика умрет...» — Г. П., образование высшее, около 50 лет, г. Рига, Латвия, в ответ на вопрос: «Возможно, лучше будет, если русские уедут из Латвии и получат российское гражданство?» (частный разговор, 2008 г.).

¹⁷ Наряду с созданием новых организаций (Союз русских соотечественников, Русский академический союз и пр.), восстановлен ряд русских организаций, запрещенных после Второй мировой войны, — Дружество русских белогвардейцев и их потомков в Болгарии, Союз русских инвалидов и др.

¹⁸ Около 10 000 в 2011 г. (16 000 в 2001 г.), по данным переписи Национального статистического института Болгарии (НСИ).

¹⁹ Менее 1000 человек в деревне Казашко и районе Татарица села Айдемир (соответственно в регионе Варны и Силистры).

Национальные элиты и элиты меньшинств

Социалистический период, пропагандирующий образование и индустриализацию, приводит к многочисленным миграциям из сел в города. Таким образом создается (сегодня) среднее и старшее поколение старообрядцев – образованное, билингвальное, религиозное «по традиции» (т. е. осознающее свое старообрядческое происхождение, но не вкладывающее в это слово особого религиозного содержания), с активной гражданской позицией. Это поколение успешно реализуется как в годы социализма, так и в период демократических перемен²⁰. Новое время приносит и новые и интересные вызовы. Они типологически сходны с задачами, стоящими перед новыми национальными элитами новых независимых постсоциалистических и постсоветских государств: создание новой национальной парадигмы (национального нарратива) как основы новой национальной идентичности посредством утверждения национальной символики²¹, национального языка, нового прочтения истории, кодификации и манифестации национальной культуры без советского/социалистического контекста. Эти цели особенно актуальны для бывших социалистических (советских) стран Балтии, и они ясно дефинированы на национальном уровне. В Латвии, например, это Закон о языке, Закон об образовании, Закон о гражданстве Латвийской Республики, Закон о культурной автономии, Государственная программа по интеграции латвийского общества (2002 г.)²².

²⁰ Наряду с городскими элитами, в сельских колхозах успешно трудятся староверы, известные своей предприимчивостью, которая приносит им немалые заработки в социалистический период. Крах социалистической системы приносит ряд потерь: новые границы затрудняют торговлю с русскими селениями, колхозы разорены, хозяйства мельчают и не приносят достаточно доходов. Как и большинство сельских жителей, часть староверов ищет свое место в городе или в эмиграции (в Болгарии и Румынии чаще на юг – в Грецию, Италию, Испанию; в странах Балтии – в Англию, Ирландию, Финляндию).

²¹ Одним из примеров популяризации национальной символики является обязательное присутствие национального флага на окнах, балконах, во дворах домов на национальных и официальных праздниках в Латвии (нарушения караются штрафом).

²² Меньшинства тоже являются объектом специального закона – «Закона о свободном развитии национальных и этнических групп и их права на культурную автономию» (1991 г.). Подробнее о дискуссиях о латвийском законодательстве в контексте индивидуальных и коллективных гражданских прав см. [Волков 2005, с. 76–87]. Специальными

Не вызывает сомнений, что деятельность старообрядческих элит (как и «советских» русских) является ответом на эскалацию национализма в макрообществе (в последние годы переходящего в откровенную русофобию). Они активно развивают свой собственный национализм – *этницизм* в терминологии Ж-Ф. Госио [Gossiaux 1996, p. 191–199]²³. Он имеет те же основы и те же цели: утверждение языка и культуры старообрядческой общности, кодифицирование истории старообрядчества (в этом плане ведется особенно интенсивная работа), реконструкция религиозной культуры, возрождение религиозного образования. Важное место и на Балканах, и в Балтии занимает фольклор²⁴ и его манифестации на местном, региональном, национальном и транснациональном уровне (на различных фестивалях в стране и за границей).

На Балканах решением этих задач занимается Община русских липован в Румынии, которая активно изучает, реконструирует и пропагандирует старообрядческую культуру (подробнее см. [Анастасова 2008, с. 140–148]). Она издает газеты и журналы («Зори», «Китеж-град»), организует воскресные школы при церквях, курсы русского и старославянского языка, отправляет молодежь для получения образования в религиозные и светские образовательные институты в Российской Федерации, проводит международные конференции с участием местных ученых-староверов и ученых со всего мира, занимающихся старообрядчеством (см. серию «Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте»²⁵). Аналогичные структуры в Балтии занимаются той же деятельностью. Общины староверов в Эстонии объединены в Союз старообрядческих общин Эстонии; множество старообрядческих организаций в Латвии: «Старообрядческое общество Латвии», «Культурно-просветительское старообрядческое общество им. И.Н. Заволоко», дружество «Беловодие» в г. Екабпилсе и др. Старообрядческие организации издают собственную

привилегиями пользуется меньшинство ливов (ливы – финно-угры, считаются автохтонным балтийским населением, проживают на территории, имеющей специальный статус культурного резервата, охраняемого специальным законом, — так называемый Ливский берег).

²³ На эту тему на примере других меньшинств (влахов, русских) см. [Anastassova 2008, p. 437–443].

²⁴ Здесь мы не будем останавливаться подробно на этой теме, но одной из самых чтимых национальных святынь является шкаф с оригинальными записями латвийских песен (дайн) Кр. Барона, который хранится в новой Латвийской национальной библиотеке в Риге.

²⁵ Серия сборников с материалами международных конференций, проводимых в Румынии с 1993 г. (последняя в 2017 г.).

прессу (например, «Поморский вестник»), научные, научно-популярные, образовательные и религиозные сочинения, организуют научные форумы и встречи старообрядческих фольклорных составов. Важное место занимают и сайты староверов в Интернете.

Характер этой деятельности очень любопытен. С одной стороны, старообрядческие элиты привлекают серьезных специалистов со всего мира (из России, Германии, США и др.) для исследования местного старообрядчества, с другой – они сами развивают усиленную «научную» и популяризаторскую деятельность, превращаясь в историков, искусствоведов, фольклористов, этнографов и др.²⁶

Эта мобилизирующая общность деятельность имеет еще один важный эффект. Она повышает самооценку современных староверов, которые наконец-то чувствуют себя реабилитированными после столетий преследований и пренебрежения: «У нас есть собственная организация. Ее председатель Павел Григорьевич Варунин. Он открыл нас для эстонцев. Они считали, что мы отсталые, бородастые. Сейчас нами больше интересуются, уважают нас. <...> Мы не “мракобесы”»²⁷.

Заключение

Таким образом, деятельность старообрядческих элит, связанная с рядом стимулов (от финансовых до общественного признания), дает старообрядческой диаспоре гордость, самоуважение и авторитет. Эти процессы особенно видны в Латвии и Эстонии, где своеобразная оппозиция советский русский / *не наш* – русский старовер / *наш*, развивающаяся на фоне активной деятельности национальных балтийских элит и постсоциалистической (гео)политической русофобии, является активным стимулом для современного развития старообрядческой культуры, с одной стороны. С другой стороны, благосклонность национальных государств к этой уникальной культуре является своеобразным извинением, оправданием и компенсацией откровенно дискриминационных мер в отношении к советским русским, по одним или другим причинам (отсутствие желания или неспособность сдать экзамены на гражданство) лишаемых основных гражданских прав. Вне всякого сомнения, эти меры, противоречащие европейскому законодательству (и шире – универсальным правам человека), рано или поздно получают свою историческую оценку. Отсутствие подобной оппозиции в Литве, Румынии и Болгарии определяет различный статус

²⁶ Подобный бриколаж науки и любительских исследований можно наблюдать практически на всех старообрядческих форумах.

²⁷ А.С. Фомина, 1931 г. р., запись автора, Таллин, 29.06.2008 г.

и значимость старообрядческой общности в этих странах. Особенно интересна ситуация в Румынии, где этнонациональный концепт конструкции государства определяет специфическую позицию старообрядческой общности, в отличие от Болгарии, где концепт «гражданской нации» (наряду с малочисленностью старообрядческой общности) практически исключает возможность ее участия в политическом развитии страны.

Благодарности

Исследования проводились в рамках двусторонних проектов Болгарской академии наук (Институт этнологии и фолклористики с Этнографическим музеем) по Международной обменной программе в период 2006–2017 гг. с Институтом истории Литовской академии наук («Балканы и Балтика в Объединенной Европе», рук. Е. Анастасова и Ж. Шакнис), Институтом социологии и философии Латвийского университета в Риге («Этническое и национальное в Болгарии и Латвии в период глобализации», рук. Е. Анастасова и И. Рунце), Эстонским литературным музеем г. Тарту, Эстония («Традиции и инновации в культуре Болгарии и Эстонии», рук. Е. Анастасова, М. Кыйва).

Acknowledgements

The study was conducted as a part of bilateral projects (International Academic Programme) between Bulgarian Academy of Science (Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum) in the period 2006–2017 and Lithuanian Institute of History ('Balkan and Baltics in United Europe', coord. E. Anastasova and Z. Saknis), Institute of Sociology and Philosophy of Latvian University in Riga ("Ethnic and National in Bulgaria and Latvia", coord. E. Anastasova and I. Runce), and Estonian Literary Museum, Tartu, Estonia ("Tradition and Innovation in culture of Bulgaria and Estonia", coord. E. Anastasova and M. Koiva).

Литература

- Анастасова 1998 – Анастасова Е. Старообрядците в България: мит – история – идентичност. София: АИ «Проф. М. Дринов», 1998. 128 с.
- Анастасова 2005 – Анастасова Е. Руснаците // Имиграцията в България / Съст. А. Кръстева. София: IMIR, 2005. С. 156–191.
- Анастасова 2008 – Анастасова Е. Между городом и деревней – современное старообрядчество в Румынии // Русские старообрядцы: язык, культура, история / Отв. ред. Л.Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 141–148.
- Анастасова 2009 – Анастасова Е. Старообрядците в Обединена Европа: (По материали от Балканите и Балтика // Български фолклор. 2009. № 1–2. С. 153–159.
- Анастасова 2012 – Анастасова Е. Меньшинства в «Новой Европе» – русские староверы и советские русские на Балканах и в Прибалтике // Миграционные

- процессы в Европе: Эволюция миграционных взаимодействий ЕС и государств Центральной и Восточной Европы: материалы конференции / Отв. ред. А.И. Ганчев. Одесса: Симекс-принт, 2012. С. 7–20.
- Болдане 2009 – *Болдане И.* Отражение на элементите на националната култура върху латвийските етнически стереотипи в началото на XXI в. // Български фолклор. 2009. № 1–2. С. 100–106.
- Волков 2005 – *Волков В.* Коллективная идентичность русских Латвии // Староверие Латвии / Ред. И. Иванов. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2005. С. 76–87.
- Пригарин 2010 – *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае (формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX в.). Одесса; Измаил; М.: СМИЛ – Археодоксия, 2010.
- Anastassova 2005 – *Anastassova E.* Les Vieux Croyants en Bulgarie et Roumanie // Modernisation, démocratisation, européanisation: la Bulgarie et la Roumanie comparées / sous la dir. A. Krasteva, A. Todorov. Sofia: NUB, 2005. P. 242–250.
- Anastassova 2008 – *Anastassova E.* The Vlachs in Bulgaria. A transnational community // Dynamics of national identity and transnational identities in the process of European integration / Ed. by E. Marushiakova. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 437–443.
- Gossiaux 1996 – *Gossiaux J-F.* Un ethnicism transnational. La résurgence de l'identité valaque dans les Balkans // L'Europe entre cultures et nations / Sous la dir. D. Fabre. Paris: MS, 1996. P. 191–199.
- Mertelsmann 2005 – *Mertelsmann O.* How the Russians turned into the Image of the “National Enemy” of the Estonians // Pro Ethnologia. 2005. № 19: The Russian speaking minorities in Estonia and Latvia. P. 43–58.
- Moldovan 2004 – *Comunitatea rușilor lipoveni* / Ed. by S. Moldovan. București: Editura Ararat, 2004. 352 p.
- Roth 1995 – *Roth M.* The ironist's cage. Memory, trauma, and the construction of history. New York: Columbia University Press, 1995. 240 p.
- Vihalemm 2005 – *Vihalemm T.* The strategies of identity re-construction in post-Soviet Estonia // Pro Ethnologia. 2005. № 19: The Russian Speaking Minorities in Estonia and Latvia. P. 59–84.

References

- Anastasova, E. (1998), *Staroobredcite v Blgariya: mit – istoriya – identichnost* [Old believers in Bulgaria. Myth – History – Identity]. AI “Prof. M. Drynov”, Sofia, Bulgaria.
- Anastasova, E. (2005), “Russians”, in Krasteva, A. (ed.), *Imigraciyata v Blgariya* [Immigration in Bulgaria], IMIR, Sofia, Bulgaria, pp. 156–191.
- Anastassova, E. (2005), “Les Vieux Croyants en Bulgarie et Roumanie”, in Krasteva, A. and Todorov, A. (dirs.), *Modernisation, démocratisation, européanisation: la Bulgarie et la Roumanie comparees*, NUB, Sofia, Bulgaria, pp. 242–250.
- Anastassova, E. (2008), “The Vlachs in Bulgaria: A Transnational Community”, Marushiakova, E. (ed.), *Dynamics of National Identity and Transnational Identities in the Process of European Integration*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle, pp. 437–443.
- Anastasova, E. (2008), “Between town and country – modern Old Believers in Romania”, in Kasatkin, L.L. (ed.), *Russkie staroobryadcy: yazyk, kultura, istoriya*

- [Russian Old Believers – Language, Culture, History], Yazyki slavyanskih kul'tur, Moscow, Russia, pp. 141–148.
- Anastasova, E. (2009), “Old Believers in the United Europe (based on the materials of the Balkans and the Baltic)”, *B'lgarski folklor*, vol. 1–2, pp. 153–159.
- Anastasova, E.E. (2012), “Minorities in the ‘New Europe’ – Russian Old Believers and Soviet Russians in the Balkans and the Baltic States”, in Ganchev, A.I. (ed.), *Migracionnye processy v Evrope: Evolyuciya migracionnyh vzaimodejstvij ES i gosudarstv Centralnoj i Vostochnoj Evropy: materialy konferencii* [Migration Processes in Europe. Evolution of the Migration inter-relations between the EU and Central and Eastern Europe states. Proceedings of the conference], Simex-print, Odessa, Ukraine, pp. 7–20.
- Boldane, I. (2009), “Reflection of the national culture elements in Latvian ethnic stereotypes at the beginning of the 21st century”, *B'lgarski folklor*, vol. 1–2, pp. 100–106.
- Gossiaux, J.-F. “Un ethnicism transnational. La résurgence de l'identité valaque dans les Balkans”, in Fabre, D. (dir.), *L'Europe entre cultures et nations*, MS, Paris, France, pp. 191–199.
- Mertelsmann, O. (2005), “How the Russians Turned into the Image of the “National Enemy” of the Estonians”, *Pro Ethnologia*, vol. 19: The Russian speaking minorities in Estonia and Latvia, pp. 43–58.
- Moldovan S. (ed.), (2004), *Comunitatea Rușilor Lipoveni*, Editura Ararat, București, Romania.
- Prigarin, A.A. (2010), *Russkie staroobryadcy na Dunae (formirovanie etnokonfessional'noj obshchnosti v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv.)* [Russian Old Believers on the Danube (the formation of an ethno-confessional community in the late 18th – first half of the 19th centuries)], SMIL, Arkheodoxia, Odessa, Izmail, Moscow, Ukraine, Russia.
- Roth, M. (1995), *The ironist's cage. Memory, trauma, and the construction of history*, Columbia University Press, New York, USA.
- Vihalemm, T. (2005), “The strategies of identity re-construction in post-Soviet Estonia”, *Pro Ethnologia*, vol. 19: The Russian speaking minorities in Estonia and Latvia, pp. 59–84.
- Volkov, V. (2005), “Collective identity of Latvian Russians”, in Ivanov, I. (ed.), *Staroverie Latvii* [Russian Old Believers in Latvia], Staroobryadcheskoe obshchestvo Latvii, Riga, Latvian, pp. 76–87.

Информация об авторе

Екатерина Анастасова, доктор филологии, Институт этнологии и фолклористики с Этнографическим музеем, Болгарская академия наук, София, Болгария; Болгария, София, 1113, ул. акад. Г. Бончева, бл. 6; ekaterina_anastasova@yahoo.com

Information about the author

Ekaterina Anastasova, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria; Bulgaria, 1113, Sofia, blok 6, Acad. G. Bonchev St.; ekaterina_anastasova@yahoo.com